

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Хавьера Эрнандес

Тирания слабости

Хавьера Эрнандес

Тирания слабости

1996

Перевод А. Бренера и Б. Шурц

Опубликовано в сборнике «На ножах со всем
существующим», Умопомрачительный самиздат, Рига, 2006

Сохранено 9 сентября 2011г. из a-read.narod.ru

1996

стад. Мы говорим здесь и о тех товарищах, которые полагают, что они всё ещё революционеры, а на самом деле переживают драму прогрессирующего умственного загрязнения — день за днём. Это, впрочем, не простой призыв к действию. Кладбища завалены такими призывами. Нет, мы говорим здесь о проекте, тщательно разработанном в лабораториях капитала и ныне пущенном в ход. Этот проект нацелен на постепенное и безболезненное уничтожение нашей способности к борьбе. Развёртывание этого проекта идёт рука об руку с глубоким переструктурированием капитала. Мы не призываем здесь к волюнтаризму и не заламываем в отчаянии руки. Мы полагаем, что эти строки — скромный вклад в понимание серьёзных перемен, которые происходят вокруг нас.

Сегодня мы сталкиваемся со слабостью повсюду. Мы слабы, или ведём себя так, словно мы слабы - из страха показаться чем-то иным.

Уже немодно быть уверенным в себе или понимать себя, как, впрочем, и других — или что-либо вообще. Это кажется устаревшим, а то и попросту дурным вкусом. Мы больше не стараемся делать вещи хорошо — я имею в виду те вещи, которые мы сами выбрали для себя и которые, как нам кажется, мы должны сделать. Вопреки всякой логике, мы делаем их плохо, кое-как, не обращая внимания на детали. И мы не то чтобы похваляемся своей слабостью, но пользуемся ею как неким экраном, за которым можно спрятаться.

Так мы стали рабами этого нового, быстро распространяющегося мифа о слабости. И мы вовсе не хотим говорить здесь о «силе», которая никогда не была ничем иным, кроме замаскированной слабости. Скорее, мы хотим осветить нынешнюю ситуацию. Преобладающий момент в ней — стирание ценностей, а также притупление тех инструментов, которые необходимы нам, чтобы жить и атаковать наших врагов. Главная модель сегодня — модель сдачи, отказа от борьбы, модель торможения. И это, разумеется, полностью в интересах власти. Мы перестали думать, мы мыслим неадекватно, мы подчиняемся потокам противоборствующих информационных каналов. Мы не действуем.

Наша персональность — нечто между идиотом и коллекционером марок. Мы понимаем мало, зато знаем много: множество бесполезных, разрозненных вещей. Мы — карманные энциклопедии анекдотических знаний. Почему-то мы решили, что у нас есть право быть невежественными, глупыми, немощными.

Мы вручили эффективность в руки врага, утверждая, что

модель эффективности принадлежит логике власти. Что ж, когда-то это было верно. Речь шла о разрушении экономики, и абсентизм, отказ от работы, дезертирство были правильными решениями. Но случилось так, что классовый враг выиграл ответную игру. И мы капитулировали, хотя речь шла о вещах, которые мы сами для себя выбрали.

Итак, мы посвящаем себя ловле бабочек и восточной философии, альтернативной кухне и модусам мышления — всему, чему недостаёт ясности и ярости. Вместо того, чтобы дождаться, когда выпадут наши зубы, мы сами вырываем их один за другим. Так что мы теперь счастливы и беззубы.

Лаборатории власти планируют очередную модель капитуляции для нас. И только для нас, разумеется. Для царствующего меньшинства, для «включённых» актуальная модель по-прежнему одна: агрессивность и наступление. А мы больше не являемся жестокими неуправляемыми варварами, способными на стихийные бунты и организованные восстания. Мы превратились в философов нирваны, в скептиков, сомневающихся в правомочности действия, в денди и отстранённых созерцателей. Мы даже не заметили, как власть сдавила наши языки и черепа. Мы почти не в состоянии писать, а ведь это необходимо, чтобы быть понятыми и понимать других. Мы почти не в состоянии говорить. Мы вещаем на нищем жаргоне, навязанном телевидением, спортом, смрадным журнализмом. Мы болтаем на блатном языке, который якобы способствует коммуникации, а на самом деле кастрирует её.

Но что ещё хуже: мы уже не в состоянии совершить усилие. Мы не способны на свершение. Что-то наладить, кое-как почитать, наконец передохнуть. . . Встреча здесь, дискуссия там, беседа о том, о сём. . . И вот мы уже истощены, обессилены, распростёрты. . . С другой стороны, мы можем часами

слушать музыку, иногда без всякого понимания, песни на языках, нам неизвестных, шум, имитирующий разрушение или строительство. . . И даже когда мы забываемся в созерцании природы (как мало от неё осталось!), мы не сами делаем вылазку — её делают за нас. Все экологические пошлости, продаваемые капиталом в качестве «альтернатив», мы принимаем на веру. Мы лишаем себя опыта реальных отношений с природой, требующего силы и напряжения, настойчивости и борьбы, а вовсе не одного созерцания.

И не напоминайте мне об агрессивности капиталистов, от которых мы должны отличаться своей терпимостью. Я прекрасно знаю, что означает агрессивность капитала! Я говорю не об этом. В сущности, я вообще не говорю об агрессивности. Слова обманчивы, как известно. Что я действительно хочу сказать, так это то, что необходимо мыслить и действовать, а не убивать время впустую, пока лодка пожирается огнём.

Либо мы понимаем, что капитал захватывает всё вокруг, либо нет. Капитал и власть трансформируются, и эта трансформация перевернёт наши жизни вверх дном. Если мы не понимаем этого, что ж — нам остаётся ловить бабочек в наших грёзах, изучать дзэн-буддизм, гомеопатию, эскапистскую литературу, спорт или что там ещё, — вплоть до уютного отчуждения от самих себя, а заодно от грамматики и языка.

Но если мы понимаем перемены, происходящие в мире, если мы осознаём, как развивается проект капитала, как он намерен окончательно превратить нас в рабов, если мы постигаем культуру рабства, которая лишает нас самой возможности видеть и ненавидеть наши цепи, — тогда мы не можем уже мириться с пустой терпимостью и отказом от борьбы. И не нужно думать, что эти слова касаются только тех, кто забыл о всяком бунте и мирно пасётся среди зелёных, оранжевых и прочих